

Литература

1. Александров Емил. Документы дипломатической практики Первого болгарского государства // *Ra-laebulgatica / Старобългаристика*. София (Болгария). 1988.
2. Барац Г.М. Критико-сравнительный анализ договоров Руси с Византией. Киев, 1910.
3. Введенский А.М. Договоры Руси с греками X века: Клятва Святослава Игоревича: Проблема интерпретации выражения «*колоти яко золото*» // Труды Отделения древнерусской литературы. СПб., 2006.
4. Древнегреческо-русский словарь : в 2 т. / сост. И.Х. Дворецкий. М., 1958.
5. История дипломатии. М., 1959. Т. 1.
6. Истрин В.М. Замечания о начале русского летописания // Изв. ОРЯС. Пг., 1923. Т. 26.
7. Истрин В.М. Договоры русских с греками X века // Изв. АН ОРЯС. Л., 1925. Т. 29.
8. Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1892. Кн. 1.
9. Карамзин Н.М. История государства Российского : в 12 т. М., 1989. Т. 1.
10. Кашатнов С.М. Из истории русского средневекового источника (Акты X–XVI вв.). М. : Наука, 1996.
11. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2008.
12. Лавровский Н. О византийском элементе в языке договоров русских с греками. СПб., 1853.
13. Львов А.С. К истории слова *грамота* в древнерусской письменности // Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966.
14. Обнорский С.П. Язык договоров русских с греками // Избранные труды по русскому языку. М., 1960.
15. Памятники русского права / сост. А.А. Зимин. М., 1952. Вып. I.
16. Сергеев Ф.П. Наименования документов в договорах русских с греками // Сокращенные тексты докладов на научной конференции преподавателей Кишиневского университета. Кишинев, 1966.
17. Словарь Академии Российской : в 6 ч. СПб., 1789–1794. Ч. 6.
18. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской академии наук : в 4 т. СПб., 1847. Т. 4.
19. Шлецер А.Л. Нестор. Русский летописец на древнеславянском языке / пер. с нем. Д. Языкова. СПб., 1809.

Условные сокращения

АН ОРЯС – Академия наук, отд-ние рус. яз. и словесности.
 ДП – Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским : в 5 т. СПб., 1882–1913.

ДР – Дипломатические сношения с империей Римской : в 10 т. СПб., 1851–1871.
 Ипат. – Ипатьевская летопись. М., 1962.
 Л – Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М., 1862.
 Лав. – Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. СПб., 1889.
 Ерм. – Ермолинская летопись. СПб., 1910.
 МЛС – Московский летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949.
 Ник. – Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965.
 Н 4 – Новгородская четвертая летопись. Пгр., 1915; Л., 1925. Ч. 1. Вып. 1, 2.
 ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
 Р – Радзивилловский список Повести временных лет.

~~~~~

*Considering the origins of the words
 “writing”, “kharatiya” and “pinekhrosa”
 (based on the materials of agreements
 between the Russians and the Greeks in
 the X century)*

Based on the texts given by the X century in the Russian chronicles, there are investigated the lexemes “writing”, “kharatiya” and “pinekhrosa”, which mean “agreement” and the related notions.

Key words: *chronicle, loanword, writing, kharatiya, pinekhrosa, synonym.*

Г.Г. СЛЫШКИН
 (Волгоград)

**МИКРОГРУППОВЫЕ ПРОЗВИЩА
 Н.С. ХРУЩЕВА И ОСОБЕННОСТИ
 ИМЯНАРЕЧЕНИЯ В СРЕДЕ
 ВЫСШЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ**

Рассмотрен процесс субстандартного имянаречения (наделения прозвищами) в среде высшей политической элиты тоталитарного государства. На материале прозвищ Н.С. Хрущева показана иерархизирующая функция данного процесса.

~~~~~

Ключевые слова: *имянаречение, антропоним, прозвище, лингвокультурная концептуализация, политическая элита.*

Каждый человек в течение жизни подвергается непрерывной языковой концептуализации со стороны различных социальных микро- и макрогрупп. Тот факт, что человек образует

лингвокультурный концепт для определенной части социума, доказывается неперменной вариативностью его наименований (номинативной плотностью). Если любой другой объект действительности может изначально обладать лишь одной закрепленной за ним языковой единицей и только впоследствии получить или не получить дополнительные способы именования, то человек уже при рождении наделяется несколькими номинантами: личным именем или несколькими именами, их уменьшительными вариантами, фамилией, патронимом (в некоторых культурах) [5]. Наиболее отчетливо стремление социума к лингвистической концептуализации индивида проявляется в практике субстандартного имянаречения – наделения прозвищами.

Представители политической элиты – люди, постоянно находящиеся в центре внимания общества. Их фигуры формируют значимый элемент картины мира своей эпохи. Восприятие личностей членов «высшего эшелона власти» наивным сознанием неразделимо связано с восприятием провозглашаемых ими идей и осуществляемых политических действий. Особенно явными становятся результаты символизации персоналии в отношении так называемых «первых лиц», занимающих высшую позицию в государственной иерархии. С точки зрения лингвистики имена вождей характеризуются прецедентностью и оценочной нагруженностью, обладают способностью к разнообразной деривации и ассоциативному (метафорическому и метонимическому) переносу. Можно говорить о существовании в сознании носителей языка лингвокультурных концептов политических лидеров [7].

В предыдущей публикации [6] мы подробно рассматривали субстандартные антропонимические единицы, входящие в интразону концепта «Хрущев». Они основываются на следующих признаках, которыми данный лидер обладал в языковом сознании народа:

– внешность: прозвища *Лысый, Лысина, Хряк*;

– речевые и поведенческие особенности (многословность, эпатажность, «простонародность»): *Колхозник, Трепло кукурузное, Кузькина мать*;

– общая манера управления государством (склонность к поиску панацей, способных быстро решить все проблемы): прозвища *Никита Чудотворец, Никита Блаженный*;

– реформы в области сельского хозяйства (прежде всего «кукурузная кампания»): *Хрущ, Кукурузник, Кукурузельт, Трепло кукурузное*;

– частые поездки за рубеж: *Турист*.

Можно констатировать, что оценочная нагруженность концепта «Хрущев» в общенародной картине мира в основном негативна. При этом степень негативности варьируется от иронической до инвективной.

Однако вторичная номинация Н.С. Хрущева осуществлялась не только в рамках русскоязычного социума в целом, но и в микрогруппе высших лиц государства – И.В. Сталина и его ближайшего окружения. Сохранились сведения о трех подобных прозвищах. Информацию о первом мы встречаем в мемуарах А.Т. Рыбина, сотрудника личной охраны И.В. Сталина: «Летом Сталин работал в беседке. Поблизости Берия с Хрущевым играли в городки. Берия вдруг закричал:

– Эй, Мартин Баруля, бей первым!

А Хрущев называл его прокурором. Услышав эти прозвища, Сталин как цыкнул:

– Что вы, как маленькие дети!

Больше Берия не называл Хрущева по прозвищу, которое появилось после того, как он привез с Украины артистов, сыгравших в Москве постановку с таким названием» [4, с. 42].

Мартин Баруля* – главный герой одноименной драмы классика украинской литературы Ивана Тобилевича, известного под псевдонимом *Иван Карпенко-Карый*. Некоторые особенности персонажа позволяют предположить, что использование его имени для номинации Н.С. Хрущева основывалось не только на метонимическом ассоциировании (название пьесы → человек, инициировавший ее постановку в Москве), но и на метафоре. Баруля – богатый крестьянин, решивший любой ценой получить дворянство. Стремясь к этой цели, он постоянно попадает в комические ситуации и в итоге оказывается на грани разорения. Персонаж олицетворяет честолюбие, сопряженное с необразованностью и низкой культурой. Микрогрупповое прозвище Хрущева *Мартин Баруля*, по-видимому, имело в своей основе тот же семантический признак, что и его позднейшее макросоциальное прозвище *Колхозник*, т.е. характеризовало данного политического деятеля как неграмотного амбициозного выскочку.

Следует отметить, что лидер микрогруппы – И.В. Сталин – демонстрирует негативное отношение к самому факту субстандартного имянаречения в своем окружении, прокламируя его несоответствие статусу коммуникантов (*Что вы, как маленькие дети!*). Эта реплика представляется тем более интересной,

* В других вариантах перевода – Боруля.

что источником остальных двух известных нам микрогрупповых прозвищ Хрущева являлся сам Сталин.

В беседе с драматургом М.Ф. Шатровым Хрущев описывает отношение к нему И.В. Сталина, упоминая при этом два прозвища: «Ко мне Сталин относился лучше, чем к другим. Меня кое-кто из политбюро считал почти его “любимцем”. У меня “сидела” только жена сына. Он меня иногда называл польским шпионом, Хрущевским, заставлял танцевать. Ну, в общем все. Не сравнить с тем, что он творил и делал с другими» (цит. по: [10, с. 69]). В основе обоих онимов лежит один и тот же признак – этническая принадлежность. Объекту номинации приписывается принадлежность к польскому этносу. Если в первом случае это делается эксплицитно (через прилагательное *польский*), то во втором апелляция к этносу имплицитна. Она осуществляется путем суффиксального преобразования фамилии *Хрущев*. Прибавляемый суффикс *-ский* русским языковым сознанием воспринимается как признак польского происхождения фамилии*.

Причины, по которым Сталин ассоциировал Хрущева с польским этносом, в точности не известны. Согласно одной из версий, в распоряжении Сталина якобы имелись доказательства галицийского (польско-язычного) происхождения Хрущева. Ю. Шаповал связывает появление данных прозвищ с «польскими мотивами», постоянно присутствовавшими в деятельности Хрущева во время его пребывания на высших партийных и государственных должностях на Украине (1938 – 1941 и 1944 – 1947 гг.). К таковым историк относит прежде всего мероприятия, проводившиеся в рамках присоединения к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии согласно пакту «Молотов – Риббентроп» и касавшиеся польского населения этих регионов. Так, 2 октября 1940 г. по инициативе Хрущева Политбюро ЦК КП(б)У приняло постановление «О фактах неправильного отношения к бывшим членам КП Польши». Этим документом партийные органы западных областей обязывались преодолеть «огульное политическое недоверие» к бывшим членам польской компартии [9].

Названные онимы не следует воспринимать как обычные этнические «дразнилки». Можно утверждать, что в них получает реализацию весьма релевантный для рассматриваемой эпохи концепт. Это концепт «враг». Как справедливо отмечает О.М. Коробкова, именно этот концепт

играл важнейшую роль в образовании у советских людей страха перед властью, являвшегося одной из ментальных доминант того времени [2]. Лексема *шпион*, входящая в состав одного из рассматриваемых прозвищ, является средством прямой апелляции к концепту «враг»**. Сочетание же данной лексемы с эпитетом *польский* значительно усиливает эту апелляцию. Дело в том, что выражение *польский шпион* ассоциируется с прецедентным для политической элиты сталинской эпохи текстом – оперативным приказом НКВД СССР № 00485 от 11 августа 1937 г. «О ликвидации польских диверсионно-шпионских групп и организаций ПОВ»***. Данный приказ положил начало широкомасштабной «польской операции» НКВД.

Как отмечает историк С.А. Кропачев, эта операция стала моделью и образцом для всех массовых «национальных» операций 1937 – 1938 гг. Приказ №00485 лег в основу последующих аналогичных приказов по «национальным» линиям. Преамбула подобных приказов состояла из утверждений об активизации на территории СССР деятельности разведорганов соответствующей страны и перерастании этой деятельности на современном этапе из разведывательной в диверсионно-террористическую и повстанческую. В приказе обязательно был указан точный перечень репресслируемых «контингентов», определялись сроки проведения операции и формы отчетности по ней. Предписывался и особый (впервые вводимый в практику НКВД) порядок осуждения – «альбомный», когда работники управлений НКВД на местах по окончании следствия составляли справки-«альбомы» на осужденных с разбивкой их по категориям (расстрел или заключение в лагерь на 5 – 10 лет). В дальнейшем эти справки, скомплектованные в специальный список («альбом»), подписывали, поддерживая или корректируя предложенные меры наказания, начальник УНКВД или нарком внутренних дел республики и местный прокурор, затем «альбом» направлялся в Москву, где окончательное решение выносили нарком внутренних дел и прокурор СССР (Ежов и Вышинский). Приговоры исполнялись по возвращении «альбомов» в местные УНКВД [3].

Таким образом, этнический компонент прозвищ *польский шпион* и *Хрущевский* сам по себе был средством апелляции к концепту «враг». Единственная разница между онимами

* Образование прозвища путем прибавления к фамилии этнически маркированного суффикса является продуктивной моделью и в современной политической коммуникации (ср. *Зюгановичи*, *Ельцинды* и т.п.).

** Анализ текстов сталинской эпохи позволяет выделить следующие средства прямой апелляции к данному концепту: *вредитель*, *враг народа*, *кулак*, *троцкист*, *шпион*, *двурушник*, *убийца*, *предатель*, *изменник* [2, с.60]

*** Польской военной организации.

состоит в том, что в первом случае эта апелляция более эксплицитна в силу наличия усилителя *шпион*, а во втором закамуфлирована языковой игрой.

Концепты «враг» и «власть» образывали в картине мира эпохи жесткую оппозицию. При этом представители политической элиты прекрасно знали, насколько легко было перейти из одного разряда в другой, превратившись из носителя власти во врага народа. Решающим же фактором подобной трансформации являлась воля политического лидера – И.В. Сталина. Все это делает ясным то, что прагматической функцией рассматриваемых номинаций была демонстрация власти, напоминание членам своего окружения (прежде всего самому Хрущеву) прямой зависимости его статуса и жизни от номинирующего субъекта*.

Именно эта значимость онимов как средства воздействия на микрогруппу объясняет неодобрительное отношение Сталина к другим, более «профанным» прозвищам (например, рассмотренное выше *Мартин Боруля*). В группе политической элиты, характеризующейся авторитарностью управления, исключительным правом осуществления вторичной номинации членов обладает лидер, а сама номинация должна оперировать к глобальным концептам, таким как «жизнь» и «смерть».

Литература

1. Карасик В.И. Язык социального статуса. М. : Ин-т. языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992.
2. Коробкова О.М. Концепты «власть», «страх» в политическом дискурсе сталинской эпо-

* Как справедливо отмечает В.И. Карасик, признак социального статуса человека устанавливается в значении слов, употребляемых в функции обращения и выражающих соотносительную позицию человека в социальной иерархии [1].

хи (конец 20-х – начало 50-х годов XX века) // Политическая коммуникация : материалы Всерос. науч. шк. для молодежи. Екатеринбург, 2009. Т. 2. С. 58-62.

3. Кропачев С.А. Десять лет, изменившие страну. Проблемы отечественной истории и историографии середины 1930 – 1940-х годов. Краснодар : Экоинвест, 2006.

4. Рыбин А.Т. Рядом со Сталиным. Записки телехранителя. М. : ИРИС-ПРЕСС, 1994.

5. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метакоцепты. Волгоград : Перемена, 2004.

6. Слышкин Г.Г., Н.С. Хрущев: языковая концептуализация политического лидера // Бытие в языке: сб. науч. тр. К 80-летию В.И. Жельвиса / под науч. ред. д-ра филол. наук, проф. Т. Г. Кучиной. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2011. С. 63 – 87.

7. Слышкин Г.Г. Политические лидеры в языковом сознании (на материале концептов «Ленин» и «Сталин») // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. : Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2004. Т. 2. Вып. 1. С. 116 – 124.

8. Таубман У. Хрущев. М., 2008.

9. Шаповал Ю. «Польский шпион Хрущевский»... // День: ежедн. всеукр. газ. 2004. № 69.

10. Шатров М.Ф. Из воспоминаний о встречах с Н.С. Хрущевым после его ухода в отставку // Данилов А.А. История России. 1945 – 2008 : метод. пособие. М. : Просвещение, 2008. С. 69 – 70.

Microgroup nicknames of N.S. Khrushchev and peculiarities of naming in the environment of high political elite

There is considered the process of substandard naming (nicknames) in the environment of high political elite of the totalitarian state. On the basis of N.S. Khrushchev's nicknames there is shown the hierarchical function of the process.

Key words: *naming, anthroponym, nickname, linguistic cultural conceptualization, political elite.*

